

МАНЬЧЖУРСКИЙ ГАМБИТ

ТОМ 5
ПАВЕЛ БАРЧУК

Маньчжурский гамбит

Павел Барчук

**Маньчжурский
гамбит. Книга пятая**

«автор »

2026

Барчук П.

Маньчжурский гамбит. Книга пятая / П. Барчук — «автор »,
2026 — (Маньчжурский гамбит)

Умереть 58-летним олигархом в своем времени – обидно. Очнуться 20-летним белогвардейцем в промерзшем вагоне, который едет в Харбин – неожиданно. В кармане ни гроша, тело едва шевелится после тифа, а за дверью теплушки – китайские патрули, мародеры и жестокий 1920 год. Мой главный актив – преданный казак-пластун с «маузером», пацан – наследник богатого рода, и сотня голодных эмигрантов. Моя стратегия – наглость и опыт из прошлого. Я не собираюсь спасать рухнувшую Империю. Я построю свою.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Павел Барчук

Маньчжурский гамбит. Книга пятая

Глава 1

Еремей высадил нашу троицу за два квартала до нужного места. Я велел вознице ждать в неприметном тупике, надежно скрытом за обломками полусгоревшего пакгауза. Райончик тот еще, не хотелось бы по возвращении не найти лошади с пролеткой, а Еремея обнаружить с лишней дыркой в теле. Судя по тому, какие ощущения у меня вызывает это место, такое вполне реально. Я прямо будто в ранние 90-е попал, когда каждый день мог оказаться последним.

От места, где притаился Еремей, пошли пешком. Помимо прочего, хотелось осмотреть возможные пути отхода. Пожалуй, впервые с того момента, как я оказался в Харбине, у меня возникла потребность реально позаботиться о безопасности. Тимоха, конечно, крут. Да и я вроде не дурачок, даже несмотря на новое тело. Однако отнестись легкомысленно к посещению заведения, где собирается всё возможное отребье Харбина – признак клинического идиотизма, коим никто из нас не страдает.

Под подошвами ботинок вместо плотного снега хрустела промерзшая насмерть помойка. Заледенелые картофельные очистки, битое стекло, конский навоз и куски шлака превратили дорогу в сплошную полосу препятствий. Кривые вывески на русском, китайском и английском языках жалобно скрипели на ветру, добавляя и без того нерадужной обстановке мрачной атмосферности. Из темных, неприветливых подворотен несло гнилью, сыростью и безнадеей.

Редкие прохожие, попадавшиеся нам по дороге, шарахались в сторону от трех мужчин в подозрительно приличной одежде. Наш респектабельный внешний вид пугал местных обывателей. Пожалуй, явись мы сюда в драных тулупах с кинжалами и пистолетами в руках, реакция была бы не такой ярко выраженной.

– Вон то здание, – Манджгаладзе указал рукой на угловое мрачное строение, сложенное из потемневшего кирпича.

Выглядел трактир не менее колоритно, чем весь район. Окна надежно закрывали глухие дощатые ставни, укрепленные железными полосами. Над входом болтался кусок ржавой жести с полустертой надписью «Убежище». Из-за двери раздавалась целая какофония звуков. А еще оттуда отвратительно несло сивухой, смешанной с табачным дымом и каким-то дерьмом. Этот запах висел в воздухе невидимым плотным облаком, перебивая даже обжигающий маньчжурский мороз.

Я с удивлением покосился на Манджгаладзе.

– Михаил, представить не могу, как вас занесло в подобное место... Вы же здесь бывали, так понимаю. Если знаете Гастона и само заведение.

– Бывал, – усмехнулся грузинский аристократ, – и, поверьте, никогда не вернулся бы обратно, не возникни нужда разыскать француза. А насчет причин... – он покачал головой. – Не хотелось бы вспоминать, князь. Первые месяцы моего пребывания в Харбине были особенно тяжелыми.

Мы подошли ближе, остановились.

Из кабака доносился нестройный гул голосов. Отборная ругань на русском мешалась с французскими проклятиями, отрывистым немецким лаем и гортанной китайской бранью. Внутри определенно отдыхал настоящий интернационал, собравшийся на самом дне социальной лестницы Харбина.

На входной двери виднелись приличные вмятины. Такое чувство, будто кто-то пытался с боем брать на таран это заведение. Возле выщербленного крыльца громоздились грязные бочки из-под сивухи. От них несло особенно сильно.

Чуть в стороне, скрываясь в тени, стояли двое парней. Они курили, пряча папиросы в рукавах. Морозный ветер донес до меня обрывки их тихого разговора:

– ...перо под ребро, и тело в прорубь. Главное, саквояж сразу рви...

В нашу сторону эта парочка даже не глянула. Люди были заняты делом, обсуждали четко спланированную мокруху.

С противоположной стороны, привалившись к обледенелой стене плечом, стоял на коленях избитый до полусмерти, в стельку пьяный мужик. Верхняя одежда отсутствовала, рубаха была порвана и испачкана кровью. Бедолагу с булькающим хрипом рвало прямо на истоптанный снег. Он мычал, слепо мотая разбитой головой, но подняться на ноги не имел сил.

Метрах в десяти от входа, сливаясь с полумраком узкой подворотни, застыла троица уличных шакалов. Молодые, наглые, с надвинутыми на глаза козырьками. Парни не переговаривались, лишь хищно пасли дверь кабака. Выжидали, когда наружу вывалится захмелевший клиент, чтобы вмиг обчистить его до нитки.

И это все, хочу заметить, посреди белого дня. Время едва приблизилось к трем часам. Что же тут происходит ночью?

Тимоха с откровенным недовольством оглядел фасад заведения.

– Знал бы ваш батюшка, Павел Саньч, в каких местах приходится бывать его наследнику... – казак тяжело вздохнул. – Проклял бы меня за то, что допускаю такое.

Вахмистр сунул руку под шинель, проверил «маузер» и кинжал. Поудобнее расположил их, чтобы оружие можно было максимально быстро вытащить из-под полы.

– Держитесь за моей спиной, ваше сиятельство, – процедил он, мрачно зыряка взглядом по сторонам. – Чую шкурой, добром этот визит не кончится. Место дрянное.

Я лишь коротко кивнул. Конкретно в данный момент спорить с Тимофеем и разыгрывать из себя крутого парня было глупо.

Михаил глубоко вздохнул, собираясь с духом, направился к двери. Протянул руку к створке, но открыть ее не успел.

Сначала раздался громкий рев. Он шел по нарастающей, откуда-то из самого нутра «Убежища». Будто в сторону выхода летит пушечное ядро. Затем – мощный звук удара. Тяжелая дверь ухнула, с треском распахнулась, долбанувшись о стену. Мимо нас на приличной скорости пролетел мужик лет сорока, без головного убора, в рваной матросской куртке. И когда я говорю «пролетел», то это вовсе не ради красного словца. Бедолагу буквально вынесло из заведения спиной вперед. Его руки и ноги были смешно раскинуты в стороны, а на разбитой в кровь физиономии застыло крайне удивленное выражение. Такое чувство, будто ему дали пинка прямо в живот, и он по инерции вынес дверь собственным телом.

Мужик рухнул в грязный сугроб, взметнув облако колючей ледяной пыли. Хрипло крикнул, попытался перевернуться на живот, но в итоге лишь выплюнул на истоптанный снег сгусток темной крови вместе с парой зубов и окончательно затих.

Михаил, чудом избежавший столкновения с летящим матросом, замер, прижавшись к кирпичной кладке. Грузинский аристократ нервно поправил сбившуюся шапку, отчаянно пытаясь сохранить лицо. Выходило скверно. Бледность проступила даже сквозь морозный румянец.

Из распахнутой двери наружу выплеснулась удушливая волна спертого воздуха. Запах немытых тел, кислого перегара и выразительного духа свежей крови, который ни с чем не перепутаешь, ударил в ноздри. Внутри кабака творился локальный армагеддон. Воздух сотрясала забористая, многоэтажная ругань, сквозь которую прорывался звон бьющегося стекла и треск ломающейся древесины.

Мгновенно оценив обстановку, вахмистр покосился в мою сторону. Взгляд Тимофея был красноречивее любых слов. Казак безмолвно спрашивал, не пора ли нам развернуться и уйти подобра-поздорову, пока мы не стали частью этого интернационального мордобоя? За себя пластун совсем не переживал, но его беспокоила моя безопасность.

Вообще, здравый смысл настойчиво советовал мне держаться подальше от заведения, где творится форменный мордобой и поножовщина. А вот интуиция упрямо твердила обратное. Подобные стихийные побоища редко возникают на пустом месте. У них всегда есть конкретный катализатор. И что-то мне подсказывает: этот катализатор носит имя Гастон. Отступимся сейчас – можем потерять шанс заполнить спеца, который разбирается в танках.

– Идем, – скомандовал я, отодвигая пластуна с дороги. – Нам нужен этот чертов француз.

Вахмистр недоволю что-то буркнул под нос, однако перечить не посмел. Он первым шагнул в зловонный сумрак «Убежища».

Основной зал кабака располагался в полуподвале. Вниз вели крутые каменные ступени, истертые тысячами подошв до состояния опасной скользоты. Спускаться пришлось осторожно. Риск сломать шею был достаточно реален.

Пространство «Убежища», предназначенное для гостей, напоминало трюм пиратского галеона, который конкретно в данный момент пираты берут на abordаж. Деревянные колонны, подпирающие потолок, хранили глубокие зарубки от ножей. Вдоль стен жались сколоченные из грубой доски кабинки, большинство из которых сейчас пустовали. Основная часть посетителей была занята чрезвычайным делом – коллективным мордобоем.

Главные события происходили в самом центре помещения. Это был не киношный кулачный бой с благородными правилами, а первобытная, грязная свалка. Сцепившийся клубок тел колыхался, распадался на части и сходил в вновь. В дело шло всё: розочки от разбитых бутылок, оторванные ножки стульев, тяжелые глиняные кружки. Озверевшая толпа топтала упавших, не разбирая, где свои, а где чужие.

Мое внимание мгновенно приковала фигура в центре месива. Мужик лет тридцати. Худой, жилистый, со светлыми, растрепавшимися волосами. Рубаха на нем превратилась в окровавленные лохмотья, обнажив покрытый белесыми шрамами торс. Он дрался с исступлением обреченного, напоминая сорвавшегося с цепи берсерка.

Его движения были лишены всякой осмысленности. Только голая, неконтролируемая ярость. Парень не пытался защищаться. Получив сокрушительный удар в скулу от здорового китайца, он лишь мотнул головой, сплюнул кровь и тут же мощно ответил коленом в пах нападавшему. Следом перехватил летящий ему в спину табурет и с размаху опустил его на голову очередного противника. Сухое дерево брызнуло щепками во все стороны.

Под массивной столешницей барной стойки прятался хозяин заведения. Пузатый, лысеющий грек с блестящей от пота физиономией. Он вжимался в пол, опасливо выглядывая наружу лишь тогда, когда в его сторону не летела посуда. В руках трактирщик судорожно сжимал короткую свинцовую трубку. Что он собирался ею делать, не знаю. Сложно мочить противников, когда ты сидишь в укрытии.

Зато орал грек так громко, что его визгливый голос перекрывал шум драки. В Харбине, где смешались десятки наций, языком межнационального общения давно стал русский, поэтому суть претензий улавливалась отлично.

– Гастон! Угомонись, выродок французский! – надрывался Пападопулос в сторону бело-брысого жилистого парня. Изо рта грека летела слюна, а физиономия от нервоза стала совсем красной. – Выкиньте его на мороз! Вышвырните эту тварь! Или прибейте к чертям собачьим, только столы не ломайте! Убьете – я сам полиции заплачу!

Слова трактирщика окончательно расставили все точки над «и». Обезумевший берсерк и есть тот самый Гастон, который мне нужен. И находится он в самом центре драки. Вот так запросто к нему не подберешься. Придется прорываться с боем. Зашибись расклад.

– Стой здесь, Михаил. В драку не лезь, береги спину, – велел я грузину.

Князь в предстоящем деле будет только помехой. Придется не только о себе беспокоиться, но и его прикрывать.

Скинул шубу, чтобы не мешала. Сунул ее в руки Манджгаладзе. Торопливо закатал рукава свитера. Оружие доставать пока не торопился. В подобной толкучке пистолет легко выбьют, а шальная пуля может зацепить нужного нам француза. Рисковать единственным танкистом в радиусе тысячи верст совершенно не входило в планы. Сегодня он требуется мне живым и, желательно, в относительно целом состоянии.

Повернулся к вахмистру. Казак уже подобрался, готовый в любую секунду сорваться с места.

Шинель он тоже вручил Михаилу. Грузинский аристократ теперь напоминал гардеробщика, который случайно оказался не в том месте.

– Тимофей, цель – француз. Пробиваемся к нему, забираем и уходим. Даю тебе полный карт-бланш. Можешь действовать, как считаешь правильным. Хоть замочи тут всех, мне плевать. Главное – вытащить Гастона.

– Павел Саныч, я сам... – попытался вахмистр высказаться по поводу приказа.

– Нет, – категорично отрезал я. – Слишком много людей. Один даже ты не пробьешься. Идем вдвоем. Это не обсуждается.

Пластун недовольно поморщился, потом кивнул и ринулся вперед.

Давненько мне не приходилось участвовать в подобных мероприятиях. Драка в кабаке реально напоминала первобытный хаос. Уклонившись от летящей в голову расколотой табуретки, с ходу вклинился в плотную людскую массу. Какая-то пьяная рожа попыталась преградить путь, размахивая пустой бутылкой. Тратить время на обмен классическими ударами не стал. Короткий, отработанный выпад – и носок моего ботинка с хрустом впечатался в колено противника. Мужик истошно завыл, оседая на заплеванной пол.

Дальше продвигался, работая локтями и коленями. Никакого благородства. Только максимальная эффективность и откровенный беспредел уличной потасовки. Попавшемуся под руку верзиле в рваной тельняшке просто выдавил растопыренными пальцами глаза, заставив того с воплем отшатнуться и бросить свой нож. Следующему, пытавшемуся схватить меня со спины, нанес удар основанием ладони снизу вверх, точно в выставленную челюсть. Клацнули зубы, обмякшее тело отлетело на соседний стол, с треском ломая дубовые доски.

Кабак ревел тысячеголосым зверем. Вокруг мелькали искаженные злобой лица и кулаки. Увернулся от летящей пивной кружки, подхватил с пола остатки стула. Размахнувшись, впечатал в спину мешающегося на пути китайца. Тот рухнул лицом прямо в месиво битого стекла и разлитой сивухи.

Сбоку вынырнул тощий, но юркий оборванец с железкой в руке. Пришлось резко уйти влево, чтобы удар не прилетел мне в голову, и жестко пробить локтем ему в печень. Оборванец сложился пополам, захлебываясь рвотным спазмом. В таких драках нельзя останавливаться ни на секунду. Малейшая заминка может стоить жизни.

Тимоха двигался чуть впереди, освобождая мне проход и стараясь контролировать все фронты. Надо сказать, если бы не казак, я бы и шага не сделал в этом месиве человеческих тел. Действовал пластун с впечатляющей методичностью. Огромный казак буквально прорубал своим телом просеку в толпе. Он не размахивал руками впустую. Короткий тычок в солнечное сплетение, жесткий залом, амплитудный бросок. Очередной неудачник с размаху отлетал в сторону. Вахмистр не позволял ополоумевшей публике взять нас в плотное кольцо.

Пападопулос продолжал визжать из-под стойки, но его призывы к благоразумию тонули во всеобщем сумасшествии. Для местных мордобой давно стал привычным развлечением, заменяющим любые другие увеселительные мероприятия.

Здоровенный матрос попытался достать меня крюком справа. Поднырнув под его руку, вогнал колено сопернику в пах, а когда здоровяк согнулся пополам, добавил локтем по затылку. Матрос рухнул кулем, освобождая проход к центру зала.

До эпицентра побоища оставалось буквально три шага. Двое портовых грузчиков намертво повисли на руках француза, выкручивая ему суставы. Третий, пузатый амбал с рябым, обезображенным оспой лицом, уже занес над головой Гастона обломок массивной доски с торчащими ржавыми гвоздями. Еще секунда, и череп танкиста расколется, как переспелый арбуз.

Я рванул вперед, перепрыгнул через какого-то бедолагу, корчащегося на полу. Перехватить доску не успею: между мной и Гастоном еще слишком большая дистанция. Схватил с ближайшего уцелевшего стола тяжелый чугунный подсвечник.

– Эй, мудила рябой! – крикнул так громко, чтобы придурок с доской меня услышал.

Как только «палач» повернулся на крик, не целясь, запустил им прямо в его рожу.

Здоровяк пошатнулся, выронил свое оружие и с диким воплем схватился за лицо. Сквозь пальцы потекла кровь. Или сломал ему нос, или вообще расхреначил половину морды.

Этой заминки хватило сполна. Плечом влетел в одного из крепышей, державших Гастона, заставил его потерять равновесие. Затем, ухватив за сальные волосы, с силой приложил физиономией о край ближайшего стола.

Француз моментально воспользовался предоставленным шансом. Вырвал правую конечность и всадил костлявый локоть под ребра второму грузчику. Я добавил противнику сокрушительный удар в кадык. Бедолага захрипел, пуская розовые пузыри, и повалился на пол.

Танкист уставился прямо на меня. Дышал он тяжело, капилляры в глазах полопались, белки стали красными. Гастон явно не понимал, с какого перепуга незнакомый господин приличного вида решил спасти его шкуру. Вряд ли француз привык к подобным актам бескорыстной помощи на дне Харбина.

– Идем! – гаркнул, перекрывая гвалт, и протянул ему руку.

Позади рухнул очередной любитель кулачных боев, отправленный в глубокий нокаут пудовым кулаком Тимофея. Вахмистр расчистил пятачок вокруг нас, раскидав сразу троих нападающих.

Француз оперся о мою ладонь, его весьма заметно шатало. Многочисленные побои давали о себе знать. Лицо превратилось в сплошную гематому, кровь текла из рассеченной брови, заливая глаз.

Именно в это короткое мгновение я допустил фатальную ошибку. Упустил контроль над слепой зоной. Рано поверил в успех. В уличной драке нельзя выключаться ни на долю секунды. Урок, который вроде бы усвоил еще там, в прошлой жизни, но сейчас отчего-то забыл.

Периферийным зрением уловил резкое движение. Словно из ниоткуда вынырнул щуплый китаец с перекошенным от ненависти лицом. В его руке тускло блеснуло лезвие мясницкого тесака. Удар предназначался мне, и это не вызывало ни малейших сомнений.

Уклониться я бы не успел. Мозг хладнокровно констатировал неизбежность удара. Мышцы рефлекторно напряглись в ожидании проникающего ранения.

Тимофей среагировал в одно мгновение. Огромный казак кинулся наперерез, закрывая меня собственным телом.

Раздался тихий, мерзко-влажный звук испаряемой ткани. Китаец с размаху вогнал нож прямо вахмистру под ребро, по самую деревянную рукоять.

Глава 2

Бывало ли мне когда-нибудь страшно? Имею в виду, в той, в прошлой жизни. Да не особо. Если честно, не помню таких моментов. Адреналин был, злость была, желание рвать зубами тоже. А вот страх... С ним познакомиться как-то не пришлось.

Но сейчас, в этом чертовом кабаке, в долбаном 1920 году, я впервые понял, что испугался. Не за себя. За Тимоху. Единственного человека, который готов отдать за меня жизнь.

Это осознание уложилось в секунды. Мир схлопнулся до размеров одного мгновения. Тягучего, словно стывшая смола. Но при этом не было паники. Не было никаких лишних мыслей. Сработали вбитые намертво инстинкты, обретенные в девяностых. Серега Инженер среагировал быстрее, чем молодой князь Арсеньев.

Китаец, напавший исподтишка, оскалился. Его пальцы сжались на деревянной рукояти. Ублюдок намеревался рвануть клинок на себя, чтобы нанести второй, уже наверняка смертельный удар. Я сразу понял – нельзя. Тесак должен оставаться в ране. Сейчас чертов нож работает как пробка, сдерживает внутреннее кровотечение. Вытащить его – значит подписать пластуна смертный приговор.

Я прыгнул вперед. Не кинулся, не рванул – именно прыгнул. Не думая, не планируя, не сомневаясь. Счет шел на секунды. Правой рукой вцепился в запястье китайца, блокируя любое движение.

Ублюдок, вытаращив глаза из-за неожиданности моих действий, дернулся, попытался выкрутиться. Он открыл рот, что-то хотел крикнуть. Не успел. Я сразу ударил.

Свободная левая рука вылетела вперед коротким, рубящим движением. Не кулаком – основанием ладони. Всю массу тела, всю ледяную ярость вложил в этот точечный удар, целясь ровно в кыдык ублюдка.

Хруст сломанных хрящей гортани прозвучал сухо и почти неслышно. Глаза китайца налились мутной кровью. Он захрипел, выпустил рукоять тесака, попытался втянуть широко открытым ртом воздух. Пальцы бандита судорожно вцепились в собственное горло. Ноги подогнулись, убийца осел на заплеванные половицы, забился в предсмертных конвульсиях, пуская изо рта розовую пену. Больше в его сторону я не смотрел. Все мое внимание переключилось на вахмистра.

Тимофей все еще стоял на ногах. На одном месте, ровно там, где его настиг удар. Он покачивался из стороны в сторону с каким-то утробным, медвежьим рычанием. Всплеск адреналина не позволял ему понять, что произошло, и не давал упасть. Огромная фигура казака качнулась еще раз, а потом стокилограммовая туша начала заваливаться на бок – прямо на торчащую из-под ребер деревянную рукоять.

Твою мать!

Я рванул к пластуна. Подхватил падающего Тимоху, принимая на себя тяжесть оседающего тела. Мышцы взвыли, худосочное тело юного аристократа заорало благим матом. Оно не было готово к таким нагрузкам. Плевать! Главное – удержать пластуна в вертикальном положении, не дать ему упасть, не позволить лезвию провернуться внутри, распарывая органы.

– Прости... Павел Саньч... Не уберег... Клятву батюшке... – выдохнул Тимофей. На губах вахмистра появились кровавые пузыри. Взгляд начал плыть.

Сука! Сука!! Сука!!!

– Заткнись! – процедил сквозь зубы, перехватывая казака поперек спины. – Не говори ничего. Смерть отменяется, Тимоха! Слышишь меня?!

Пластун попытался мотнуть головой, но лишь глухо застонал. Тело его стало свинцовым, невыносимо тяжелым. Оно теряло связь с мозгом и больше не хотело работать в штатном режиме.

– Клятву вспомнил! – зло прошипел прямо в ухо вахмистру. Приходилось напрягать каждый мускул, чтобы удержать здорового мужика ростом под два метра. – Я тебе приказываю выжить! Держись, старый черт! Мы с тобой еще этот город раком поставим!

Самое интересное: люди вокруг нас продолжали вдохновенно бить друг другу морды, но при этом орущая толпа будто растеклась в стороны. Вокруг меня с Тимохой и Гастона образовалось «пятно». Круг, пределы которого вдруг резко перестали нарушаться. Слева, справа, сзади, впереди продолжалась драка, но местное отребье, будто инстинктивно чувствуя угрозу, держалось теперь в стороне. А угроза была. Это факт. Меня накрыло такое бешенство, что сунься кто-то ближе – рвал бы голыми руками.

А еще я понимал: стоять просто так и ни черта не делать – погубить Тимоху наверняка. Мой взгляд метнулся к выходу, где с бледным, ошарашенным лицом замер Михаил. Он прекрасно все видел и теперь пребывал в шоке от того, что произошло.

– Князь! – заорал так, что связки моментально засадило от напряжения. – Очнись! Бросай тряпки!

Манджгаладзе вздрогнул, словно от пощечины. Удивленно посмотрел на шинель и шубу, которые держал в руках.

– Бегом к Еремею! – рявкнул я. – Пролетку к самому входу! Гони его сюда! Время пошло, живо!

Переводчик не заставил просить себя дважды. Роскошный мех и сукно полетели прямо в лужи крови, грязи, разлитого ханышина. Грузин развернулся и ураганом рванул по ступеням вверх.

Вокруг продолжал бушевать мордобой. Кабацкая свалка и не собиралась затихать, она набирала обороты. Летали табуреты, звенело битое стекло, хрустели сломанные челюсти. Дерущейся толпе не было никакого дела до истекающего кровью казака. Пьяный угар и вседозволенность Нахаловки превратили людей в осатаневшее стадо. Тащить раненого гиганта сквозь это месиво не представлялось возможным. Нас просто растопчут, собьют с ног.

Гастон стоял в двух шагах от нас с Тимохой. Французский танкист словно окаменел. Только его взгляд оставался живым и напряженным. Он смотрел прямо на меня, пристально смотрел, не отрываясь, будто увидел нечто удивительное. Думаю, за всю свою жизнь ветеран Первой мировой не раз сталкивался со смертью, но случившееся здесь, в кабаке, отчего-то выбило его из колеи.

– Гастон! – я резко обернулся к французу. – Мы пришли сюда за тобой. Ты нам нужен. Жить хочешь – принимай! Держи его под мышку!

Танкист мгновенно понял, о чем идет речь, и включился в ситуацию. В нем проснулся солдат, которому на поле боя приходилось вытаскивать товарищей. Он подскочил ближе, подхватил вахмистра с другой стороны, подставил плечо.

– Только лезвие не трогай! – предупредил я. Гастон молча кивнул, пошире расставил ноги, чтобы не завалиться вместе с пластуном. Его лицо окаменело еще больше, челюсти плотно сжались.

Я осторожно сдвинулся в сторону, освобождаясь от груза Тимохиного тела. Убедился, что танкист крепко его держит, быстро огляделся. Надо остановить этот хаос. Прямо сейчас. По-другому нам из «Убежища» не вытащить Тимофея.

Взгляд выцепил массивный дубовый стол, чудом уцелевший в центре побоища, и лавку, которую еще не разбили. Рука скользнула за пояс, туда, где был «Маузер».

Рывок. Прыжок вверх. Сначала на скамью, потом на залитую дешевым пойлом дубовую столешницу. Выпрямился, вскинул оружие вверх.

Два выстрела слились в один грохот. Конечно, старался не палить бездумно. А то мне же и прилетит рикошетом. Выбрал такое направление, чтобы наверняка не пострадал сам и

чтобы не задело Гастона с Тимохой. Француз даже не дрогнул от громкого звука. Он вообще не двигался, чтобы не уронить полностью обмякшее тело вахмистра.

С потолка щедрым дождем посыпались труха и известка.

Народ в кабаке оцепенел. Драка оборвалась так резко, словно сумасшедший режиссер, управляющий этим безумием, велел всем застыть на месте. Занесенные кулаки зависли в воздухе. Звон разбитой посуды стих. Десятки пар глаз уставились в мою сторону.

Я обвел взглядом всех присутствующих. Смотрел тяжело, не мигая. Ствол маузера медленно опустился до уровня моей груди. Замер, целясь прямо в гущу притихших бандитов.

– Если кто-то сейчас дернется, пристрелю как собаку!

Мой голос звучал уверенно. Никаких эмоций. Абсолютное, концентрированное спокойствие человека, привыкшего убивать. Дворовые взбесившиеся псы должны чувствовать силу настоящего вожака.

Толпа инстинктивно качнулась на месте, будто хотела отступить, но не имела на это сил. Дуло пистолета действовало на разгоряченных бандитов гипнотически. Думаю, все они прекрасно понимают, в каком месте находятся. Здесь никто не вытащит оружие, если не собирается из него стрелять.

– Слушать сюда! Мы уходим, – я выплевывал слова в толпу, стараясь держать в поле зрения каждого. – Кто сделает шаг в нашу сторону – сдохнет. Мне терять нечего. В обойме патронов на первых десятиерых хватит за глаза. Желаящие проверить мою меткость могут сделать шаг вперед прямо сейчас.

Отребе всех мастей, заполнявшее зал кабака, замерло, переваривая угрозу. Однако в любом стаде всегда отыщется излишне самоуверенная тварь. Из гущи притихших завсегдатаев вывалился здоровенный мужик в распахнутом ватнике. Растолкав соседей, он шагнул вперед, скривил губы в презрительной ухмылке.

– Ты кто такой вообще?! – рявкнул бугай, брызгая слюной. – Ребята, вы кого слушаете?! Валите его, у него один «Маузер», на всех не хва...

Договорить он не успел. Мой палец вдавил спусковой крючок.

Всего лишь мгновение – и пуля вошла прямо в голову крикуна, ровненько в переносицу. Специально будешь целиться – так не попадешь.

Башка крепыша дернулась назад, затылочная кость разлетелась вдребезги. Стоящих позади бандюганов щедро окатило фонтаном из горячей крови и серого вещества. Тело крикуна рухнуло на пол с глухим стуком.

Те, кому на лица попали ошметки чужих мозгов, инстинктивно шарахнулись в стороны, стирая липкую жижу рукавами. Пьяный угар слетел с публики моментально. В помещении воцарилось парализующее оцепенение.

– Я – князь Арсеньев, – произнес ровным тоном, глядя на побелевшие физиономии. – Кто-то сомневается в моем слове?

Толпа снова качнулась, по залу волной прокатился тихий шепот.

«Арсеньев... тот самый... безумный князь...» – вот что повторяли все эти отмороженные ублюдки.

Да уж, могу представить, какие обо мне ходят слухи, если даже в сраном кабаке, где собирается всякая шваль, моя персона достаточно популярна.

Тут же из-под барной стойки выскочил Попандопулос. Если до этого грек выглядел красивым и откровенно злым, сейчас его круглая физиономия приобрела пепельный цвет. Кабатчик явно был напуган. По-настоящему. Его, как и остальных, впечатлила фамилия.

– Мать вашу! – истошно завопил Попандопулос, а потом без малейшего страха подлетел к ближайшему драчуну и натурально отвесил ему пинка. – Вы что, сукины дети, наделали?! Убили человека князя?! Вашу мать, вы хотите, чтобы завтра мою таверну сровняли с землей?!

Грек поднял руку и потряс в воздухе кулаком. Видимо, кабатчику не хватало слов, чтобы выразить степень своего возмущения.

– Никому не дергаться! – снова завопил он. – Слышали, что было сказано? Не шевелиться! Иначе лично сдам полиции каждого, кто хотя бы моргнет! И мне плевать, что обо мне будут говорить! С князем Арсеньевым я связываться не собираюсь!

С каждым словом голос грека звучал все громче. В какой-то момент мне показалось: его сейчас от напряжения хватит удар.

– Ваше сиятельство! – Попандопулос повернулся ко мне, низко поклонился, насколько позволяло его объемное пузо. – Сейчас подмогнем. Сейчас все сделаем. Васька!

Стоило хозяину кабака выкрикнуть имя, как откуда-то из-за толпы посетителей вынырнул молодой парень лет двадцати, в брюках, рубашке и жилете. Приличный вид этого пижона совершенно не вязался с местом, где мы находимся. Так понимаю, то ли управляющий, то ли просто помощник.

– Васька, давай! – кабатчик схватил щёголя за плечо и толкнул его в сторону Гастона.

Васька тут же кинулся выполнять распоряжение. Сам грек побежал следом. Да так резво, будто разом помолодел лет на двадцать.

Они оба подскочили к французу, перехватили вахмистра с двух сторон, оттесняя танкиста. Гастон недовольно зыркнул на Попандопулоса, но посторонился. Он понимал: с дополнительной помощью тащить казака будет проще. Пластун уже окончательно отключился. Голова безвольно опустилась на грудь, дыхание стало похоже на хрип. Стокилограммовое тело повисло на греке и его напарнике мертвым грузом.

– Осторожно! – рявкнул я. – Лезвие не заденьте!

– Конечно, конечно. Все сделаем, ваше сиятельство, – продолжал причитать Попандопулос.

Они с Василием аккуратно потащили казака к ступеням, ведущим на улицу.

Я пошел за ними, чуть сзади. Двигался спиной вперед, ни на секунду не упуская из вида посетителей «Убежища». «Маузер» держал по-прежнему наготове. Ствол «гулял» по толпе, выхватывая самые наглые физиономии.

Гастон топал рядом, так же внимательно контролируя ситуацию. Самое интересное – он не спрашивал, нужно ли ему ехать с нами. Сам понял, что нужно. Сообразительный малый.

Местная шелупонь провожала нас мрачными взглядами, но ни один не дернулся и не пошевелился. Вышибленные мозги крикуна сработали лучше любых уговоров. Никто не хотел словить очередную пулю.

По ступеням поднимались тяжело. Васька и грек пыхтели, стараясь не трясти Тимоху. Я пропустил Гастона вперед, сам шел последним, прикрывая тыл. Конечно, княжеская фамилия и злость Попандопулоса закрепили результат, но среди отморожков мог найтись еще какой-нибудь особо отбитый ублюдок. Получить перо в спину после случившегося было бы совсем глупо.

Выбрались на улицу. Упитанный грек дышал так, будто его сейчас хватит insult. Я молча кивнул французу. Тот без лишних вопросов подошел к Попандопулосу, оттолкнул его и перехватил Тимоху.

– Ваше сиятельство! Князь! – кабатчик взметался рядом со мной. Его трясло. – Простите ради бога! Бес попутал эту рвань! Не виноват я! Возьмите мою машину! В подворотне стоит, заведенная! «Додж» с крытым верхом! Только прогрел, хотел товар везти! Васька вон должен был поехать, да эта сволочь... – взгляд грека быстро метнулся к Гастону. Попандопулос осекся и тут же исправился: – Эти сволочи драку учинили.

Я быстро прикинул в голове предложенный вариант. Автомобиль у владельца злочного кабака в Нахаловке – вещь абсолютно логичная. Контрабандный спирт и левый товар на горбу задолбаешься таскать. «Додж» – машина крепкая, надежная, а главное – неприметная.

В этот самый момент из-за угла вылетела знакомая пролетка. Маруся храпела, пуская из ноздрей густые клубы пара. Еремей натягивал вожжи, осаживая лошадь. На облучке, рядом с возницей, сидел Михаил. Грузинский князь был красным, как рак. Он хватал ртом морозный воздух, его грудная клетка ходила ходуном. Сразу стало понятно: Манджгаладзе не просто бежал, он несся к Еремею на пределе человеческих возможностей. Так несся, что до сих пор не может прийти в себя.

Пролетка замерла возле входа.

– Ваше сиятельство! – закричал Еремей, спрыгивая с облучки. – Да как так?!

Михаил остался на месте, но смотрел он на меня с тем же выражением лица – как так?! Никто из нас не был готов к тому, что пострадает именно Тимоха. Мы все привыкли к его непоколебимой уверенности и профессионализму.

Я на мгновение завис, уставившись на пролетку. Затем повернулся к подворотне, в которой, по заверению Попандопулоса, стояла машина. По ухабам Нахаловки поездка в экипаже может обойтись слишком дорого для вахмистра. От тряски тесак разворотит ему все внутренности. «Додж» образца 1920 года тоже, конечно, не комфортабельный лимузин, но при умелом вождении будет всяко надежнее.

– Машину! – коротко бросил я греку после минутного анализа ситуации.

Попандопулос кивнул.

– Конечно, ваше сиятельство! Идемте!

Через пару секунд мы уже тащили казака к черному неприметному «Доджу», который и правда обнаружился за углом.

– На заднее! Аккуратно! – скомандовал я Гастону. – Поедешь с ним, будешь следить за тем, чтобы нож оставался на месте. Даже на миллиметр его нельзя сдвигать.

Француз устроился на сиденье, Тимоху уложили рядом.

Я запрыгнул за руль. Окинул взглядом приборную панель и педали. Благо, это не «Форд-Т» с его идиотской планетарной коробкой, где газ на руле. Здесь все было интуитивно понятно, почти как в нормальных машинах моего времени. Три педали: сцепление, тормоз, газ. Рычаг коробки передач торчал из пола. Стандартная Н-образная схема. Выжал жесткое сцепление, воткнул первую. Шестеренки лязгнули, но передача зашла.

– Ерема, гони за мной след в след! – крикнул я возничему.

Отпустил сцепление, придавил тугую педаль газа. Машина дернулась, задние колеса шлифовали мерзлый снег, вгрызаясь в наст, и автомобиль тяжело рванул вперед.

Глава 3

Машина вылетела из подворотни на улицу. Только спустя пару минут я понял, насколько непривычна для меня эта тачка. Тяжёлая, как неповоротливая телега. Руль идёт ту же, чем привык, сцепление жёсткое – отпускаешь и молишься, чтобы мотор не заглох на первой передаче.

Выглянул из окна, посмотрел назад. Пролётка двигалась следом. Михаил сидел на облучке, вцепившись в плечо возницы. Еремей подгонял Марусю. Дураку понятно, они отстают. Кобыла против движка не потянет, как ни старайся.

Снова уставился вперёд, выкручивая руль на очередном повороте. Нахаловка неслась мимо размытой полосой. Кривые домишки, чёрные подворотни, обледенелые лужи помоев – всё слилось в смазанное пятно. Каждая секунда промедления – шаг к смерти вахмистра.

– Гастон. Держишь? – голос звучал твёрдо, будто нет никакого волнения.

– Не волнуйся, князь. Держу твёрдо.

Француз ответил громко, но без надрыва. Абсолютное спокойствие человека, который видел в окопах вещи похуже. Я обернулся через плечо.

Танкист сидел, низко склонившись над Тимохой. Обеими руками удерживал вахмистра в самом удобном положении, при этом старался, чтобы не двигался чёртов тесак. Сам пластун выглядел очень хреново. Голова запрокинута, рот приоткрыт. Бледный. Слишком бледный.

– Дышит? – спросил я.

– Дышит. *Pas bien*, но дышит. Слабый, как дитё.

Pas bien... Значит, «не очень». Французский знаю на относительно неплохом уровне еще из прошлой жизни.

Машина влетела в выбоину – не успел разглядеть вовремя. «Додж» подбросило, передние рессоры жалобно крикнули, задницу повело вбок. Мои зубы клацнули так, что в глазах потемнело.

Тимоха сзади глухо застонал. Не очнулся – просто тело отозвалось на боль. И сразу – мокрый, булькающий звук. Кровь снова пошла. Потекла тёмной струйкой из уголка рта вахмистра, моментально впитываясь в бороду.

– *Putain!* – коротко выругался Гастон и сразу выдал по-русски: – Твою мать! Тише едь, князь!

Я раздражённо оглянулся на танкиста. Хотел сказать, что тише – значит дольше, дольше – значит мёртвый. Но промолчал. Француз и сам это понимает, просто позволил на долю секунды вырваться настоящим эмоциям. Нервничает ничуть не меньше моего. Даже при том, что знакомы мы с ним меньше часа.

– Говори с ним, – велел я Гастону.

– О чём? – искренне удивился он, а потом с сарказмом добавил: – Нас друг другу не представили. Нет приличных тем.

– Говори! Что угодно. Главное – не молчи.

Француз подумал секунду. Потом наклонился ниже, к самому уху Тимохи, и начал что-то бубнить. Тихо, на смеси двух языков. До меня долетали обрывки фраз. По-русски: «Держись, казак, держись. Тут недолго. Тут совсем недолго». По-французски: «*Allez, mon vieux, tiens bon, tiens bon*». Снова по-русски – про какого-то Жоржа, который продержался шесть часов с осколком в животе и выкарабкался. Про то, что русские мужчины живучие, он сам видел. В шестнадцатом, под Шампанью, когда рядом стояла особая пехотная бригада.

Мотор «Доджа» ревел на пределе, выплёвывая в морозный воздух сизые клубы выхлопа. Лысая резина скользила по укатанному снегу, руль так и норовил вырваться из задеревенелых пальцев. Впереди показался Сунгарский мост. Массивные стальные фермы темнели сквозь

зимнюю дымку. И как назло, прямо на въезде маячил китайский патруль. Двое солдат в мышинных шинелях и один офицер в португее. Сука, как не вовремя!

Завидев несущуюся машину, командир шагнул на середину проезда. Вскинул руку в кожаной перчатке, требуя остановиться. Солдаты сдёрнули винтовки с плеч. Ждут покорности. Уверены, водитель сейчас ударит по тормозам.

Вместо этого нога до упора вдавила педаль газа. Тяжёлый автомобиль рванул вперёд, прокручивая колёса по льду.

Расстояние сокращалось слишком быстро. Пятьдесят метров. Тридцать. Десять. Выражение высокомерной спеси на лице офицера сменилось животным ужасом. Китаец отчаянно метнулся в сторону. Резкий рывок руля вправо пустил тачку в управляемый занос. «Додж» вильнул тяжёлым задом, выбрасывая из-под крыльев фонтан ледяного крошева. Металл левого крыла едва не снёс китайского офицера – тот чудом успел отскочить в сугроб.

Машину жёстко тряхнуло на стыке моста. Нам вслед раздались истошные крики, а потом выстрелы. Первый, второй. Патрульные настолько растерялись от наглости неизвестного водителя, что палили не целясь. Пули со звоном срикошетили от металлического корпуса автомобиля.

– Mon Dieu... – выдохнул Гастон. Француз сцепил зубы так, что его скулы заострились, а подбородок выпятился вперёд. – Князь хочет, чтобы к нему в гости наведалься толпа военных?

– Машина не моя. На нас не выйдут, – бросил я в ответ, выравнивая машину и не отрывая взгляда от дороги.

Хотя выйдут, конечно. На грека. Другой вопрос, рискнёт ли Попандопулос признаться жандармерии, кому именно одолжил свою ласточку. Плевать! Разборки оставим на завтра. Сейчас главное – Тимоха.

Снова высунулся в окно и посмотрел назад. Пролётка Еремея отстала настолько, что её практически не было видно. Отлично. Патрульные заняты своим офицером, вытаскивают его из сугроба. Они точно не свяжут промчавшийся автомобиль со скромным конным экипажем, плетущимся далеко позади.

Потом вдруг понял, что мои губы шевелятся. Сами собой.

«Господи, не дай. Господи, помоги дотянуть».

Не сдержался и громко рассмеялся вслух. Француз что-то пробубнил за моей спиной. Помоему, обозвал ненормального русского князя психом. А мне реально было смешно. Серёга Инженер, тот самый, который последние тридцать лет в церковь ходил для очистки совести и красивых статей в журналах, который в Бога верил примерно так же, как в честных депутатов и бесплатный сыр в мышеловке, сейчас искренне молился. Вот уж действительно, чудны дела твои, Господи.

Дорога стала более ровной и прямой, больше не нужно было вихлять из-за поворотов. Слева потянулась глухая кирпичная стена, справа – заброшенные пакгаузы. До лесопилки осталось около полутора вёрст.

– Около получаса, – крикнул сзади Гастон.

Я сначала не понял, о чём он вообще говорит. Раздражённо дёрнул плечом, мол – поясни.

– Около получаса, как ударили, – пояснил танкист. – Долго. Плохо это. Полчаса с лезвием в животе – *c'est trop*. Слишком долго. Печень может повредиться, селезёнка. Я видел такие раны. С ними, как правило, не выживали. Нормальный человек не справится.

Француз говорил немного странно. С одной стороны, его русский был достаточно неплох, но с другой – он как будто периодически глотал часть предложения, выдавая только самую суть.

– Нормальный – это не про Тимоху, – отрезал я категорично. – Он выживет.

Гастон в ответ промолчал. Похоже, француз не разделял моего оптимизма.

Я ещё сильнее вдавил педаль газа.

Лесопилка вынырнула из-за поворота, и для меня это было настоящее чудо – как тонущему в море увидеть спасательный берег. Ударил по гудку, выдавая длинный, протяжный сигнал. Чтобы слышно было за версту. Вылез в окно едва ли не по пояс. Охрана должна увидеть мою физиономию, иначе не откроют.

На вышке у ворот шевельнулась фигура часового. Через минуту створки поползли в разные стороны.

«Додж» влетел во двор, почти не сбавляя скорости. Я нажал на тормоз уже перед самым крыльцом лазарета. Машину занесло боком, задние колёса прочертили по утопанному снегу две густые борозды. Двигатель ещё кашлял, когда мой крик разнёсся по всей лесопилке:

– Лебедева сюда! Шэня! Манью! Кипяток, тряпки чистые! Живо! Тимоха ранен!

Все, кто был во дворе, замерли с открытыми ртами. Фраза «Тимоха ранен» для жителей общины звучала как нечто невозможное, а потому особенно страшное. Это же наш вахмистр! Наш бравый пластун, который укладывает врагов одной левой! С ним априори не может случиться подобного!

Я выскочил из тачки прямо навстречу Селиванову, который бежал к машине со стороны конторы. Управляющий вылетел на улицу без шубы, в одной рубашке. За ним следом нёсся Корф. От бараков донёсся бабий вскрик – кто-то увидел за открытой дверью «Доджа» бледного вахмистра и Гастона, по уши испачканного в крови.

– Двое сюда! Носилки! – продолжал я отдавать распоряжения.

– Носилок нет, ваше сиятельство! – крикнул Пётр.

– Дверь снимите, мать вашу! С петель! Любую!

К машине подскочил Осеев. Заглянул внутрь, оценил внешний вид пластуна и бледного от напряжения Гастона. Сразу всё понял.

– Доктора! – заорал он через плечо. – Сергей Петрович!

– Я тут! – Лебедев уже бежал от лазарета, тоже без верхней одежды, как и Селиванов.

Ещё пару минут – и возле автомобиля появились двое парней с дверью. Они реально сняли её с петель. Вернее, даже не так. Не сняли. Выбили. Чтобы сделать всё аккуратно, потребовалось бы время, а его у нас нет.

– Кладите, – распорядился хирург.

Дверь швырнули прямо на снег возле машины.

– Гастон, давай. – Я полез на заднее сиденье с противоположной от француза стороны. – На «раз-два». Осторожно, лезвие держи. Ра-аз! Два!

Вытащили вахмистра на улицу. Тимоха не шевелился. Только из горла шёл тот самый булькающий хрип. Перенесли. Опустили на дверь. Едва успел убрать руки – Осеев и Пётр уже подхватили края деревянного полотна, понесли пластуна к лазарету.

И тут я увидел её. Манью стояла на крыльце пакгауза. Без шапки, нараспашку. Волосы убраны туго, низко на затылке. Рукава закатаны до локтей. Никакой обычной её усмешки. Никакого вызова в глазах.

Она смотрела только на Тимоху. Не на меня. Всё то, чем бесит эта девчонка – выстроенная колючая броня, дерзость, упрямство, – куда-то исчезло. Передо мной была собранная, сосредоточенная на раненом человеке особа, которая готова сделать многое, чтобы спасти его. Тут же, прямо за спиной китайки, маячил Шэнь.

– Готовимся оперировать! – крикнул Лебедев. Он бежал следом за носилками. – Манью, ты мне ассистируешь. Господин Шэнь, тащите ваши снадобья. Думаю, они нам сегодня ой как понадобятся.

Девчонка даже слова против не сказала. Молча крутанулась на месте и исчезла внутри лазарета. Носилки поплыли вслед за ней. Я двинулся ко входу на автомате, но упёрся грудью в выставленную ладонь Лебедева.

– Не надо, ваше сиятельство.

Я бестолково смотрел на доктора, не мог понять, о чём он вообще говорит. Что значит «не надо»? Сергей Петрович покачал головой с сочувствием, а потом добавил:

– Вы будете только мешать. Идите в контору, Павел Александрович. Как всё закончится, позову вас.

– Мне надо находиться рядом. – Мой ответ, наверное, выглядел максимально нелогичным. Можно подумать, от меня что-то сейчас зависит.

Лебедев вздохнул, но всё же согласился.

– Хорошо.

Он развернулся и вошёл в пакгауз. Я остался стоять на крыльце.

Сзади слышались шаги. Гастон осторожно скользнул мимо, сел на ступени, принялся вытирать снегом руки от крови. Молча, методично. Хруст мёрзлой крошки резал слух, это было раздражающе невыносимо. Останусь здесь – точно взорвусь.

Я молча переступил порог и двинулся вглубь медчасти. Огромное складское помещение пакгауза мы перегородили толстыми деревянными щитами, поэтому капитальных дверей не было ни в операционной, ни в палатах. Вход закрывали специальные ширмы. Подошёл ближе к комнате, в которой сейчас решалась судьба Тимофея, замер. Стоял как дурак и тупо пялился в одну точку.

За парусиновой шторой лязгнул инструмент о жестяной лоток.

– Крючки! Разводи шире, ни черта не вижу! – голос Лебедева звучал слишком напряжённо. – Промокай, Манью! Салфетку давай, живо!

Девчонка что-то тихо ответила доктору.

– Кохер! Да не этот, прямой давай! – рявкнул хирург. – Сосуд уходит, край тяни... Лигатуру!

Именно эти фразы Сергея Петровича вывели меня из состояния ступора. Я с удивлением подумал: где он хирургический зажим или шёлковую лигатуру возьмёт? Весь наш медицинский инвентарь собирался с миру по нитке. Значит, Лебедев как-то пополнил оборудование медчасти. Нашёл всё, что необходимо, своими силами.

– Что вам принести, Павел Александрович? – раздался сзади тихий голос Селиванова. Я даже не услышал, как он подошёл.

Хотел сказать «ничего». А получилось:

– Стул.

– Сейчас.

Через минуту управляющий вернулся с табуретом. Поставил у стены, рядом с операционной. Я сел. Привалился спиной к холодным кирпичам, закрыл глаза. Мозг принялся лихорадочно анализировать происходящее.

Минут двадцать мы гнали по колдобинам Нахаловки. До этого выносили Тимоху из кабака. Потом минут десять бестолковились перед лазаретом... Насколько всё это хреново для пластуна?

Внутри растеклась липкая, вымораживающая пустота. Впервые с момента, когда очнулся в прошлом, накатило абсолютное, парализующее бессилие.

Гора новеньких маузеров в схроне лесопилки ничего не может сейчас решить. Золотые слитки, спрятанные под углём, не могут ничего решить. Все выверенные схемы, многоходовки, договоры с Триадой, хунхузами, продажными чиновниками и хитрыми евреями – весь этот выстроенный фундамент сейчас стоит ровно ноль. Жизнь верного пластуна зависит исключительно от ловкости пальцев земского врача и китайских трав Шэня. А я, лично я, ни хрена не могу сделать.

За ширмой звякнуло стекло. В коридор потянуло тяжёлым, приторным запахом эфира вперемешку с въедливым духом стерильности.

Внезапно раздался звон. Что-то лёгкое, металлическое со стуком упало на дощатый пол. Пинцет или жестяная кювета. В груди противно ёкнуло, сердце пропустило удар.

– Осторожнее! – рявкнул Лебедев. – Ещё спирта!

Я оторвался от стены, наклонился вперёд, упёрся лбом в сцепленные ладони. Стало как-то зябко. Только сейчас. До этого вообще не чувствовал холода. Дорогущую бобровую шубу, как и шинель Тимохи, мы оставили на залитом кровью полу в кабаке у Попандопулоса. Михаил бросил их, когда помчался за Еремеем.

Тихонько подошёл Корф. Тяжело, по-стариковски, опустился прямо на пол. Достал из-за пазухи плоский серебряный портсигар, открыл, посмотрел в него, закрыл, не закурив. Убрал обратно в карман.

Я покосился на барона. Он смотрел в пустоту, молча. И конкретно сейчас был за это благодарен ему больше, чем за что-либо другое. Корф не лез с сочувствиями, не задавал тупых вопросов. Он просто сидел рядом. Генерал пришёл, чтобы помолчать со мной плечом к плечу.

Со стороны входа слышались шаги. Я поднял голову. Это снова был Селиванов, он принёс кружку с чем-то горячим, исходящим паром.

– Чай, Павел Александрович. С сахаром. Княгиня Шаховская сказала – обязательно с сахаром.

Я кивнул, но не протянул руку, чтобы взять. Селиванов потоптался, покрутился на месте и тихо ушёл. Понял, что настаивать сейчас бесполезно.

Однако буквально минут через десять дверь пакгауза снова хлопнула. Я повернул голову, мысленно желая всем провалиться к чёртовой матери.

По коридору, ступая аккуратно – носочек-пятка, – шёл Никита Щербатов. В руках у него была та же самая кружка. Чай ещё не остыл. Либо его снова заварили. Потому как над кружкой клубился пар. Вид у Никиты был строгий, серьёзный, будто он явился по какому-то чрезвычайно важному делу.

Наследник Строгановых приблизился, замер передо мной, сжимая обеими руками эту чёртову кружку.

– Вера Николаевна прислала, – сказал он тихо. – Княгиня сказала, вам обязательно надо что-то горячее.

– Спасибо, – чай пришлось всё же принять.

– Дядька Тимофей выживет, – добавил пацан. Не спросил, а сказал уверенно, словно знает это на сто процентов. – Он обещал научить меня шашкой работать. Если умрёт, кто учить будет?

Никаких слёз или трясущихся губ. Просто стоит и формулирует свою претензию к мирозданию через меня. Потому что я – самый главный и самый старший с точки зрения мальчишки. Не по возрасту, а по статусу.

– Будет учить. – Мой голос даже не дрогнул. – Никуда он не денется.

Пацан кивнул, развернулся и пошёл обратно по коридору к выходу из лазарета.

Я поднёс кружку к губам, сделал глоток. Чай был сладким, до приторности. Шаховская не пожалела сахара, как для тяжелобольного. А потом отчётливо понял одну вещь.

Больше не буду жалеть этот город. Никаких вторых шансов. Никому. Никаких «ну попугал и хватит».

Я не хотел войны с Бао Гуйцином – он начал сам. Я не искал конфликта с Хондзё – он явился ко мне без приглашения. Я дал Дину Сяну возможность нормального партнёрства – он выкинул фокус, наплевав на все договорённости.

Хватит.

Теперь я без ограничений буду применять те же методы, что и они. Только жёстче. Потому что у них за спиной – должность, армия, государство. А у меня за спиной – мои люди. И

больше ничего. Но за них, за этих людей, буду рвать глотки зубами. Игры закончились, теперь всё по-взрослому.

Глава 4

Еще минут десять я, как дурак, топтался около операционной. Сидеть на месте надоело, поэтому вышагивал по коридору то в одну, то в другую сторону. В итоге не выдержал и двинулся к выходу из лазарета. Сил больше не было метаться перед дверью, прислушиваться к каждому шороху и надеяться, что Тимоха останется жив. Тем более что повлиять на ситуацию никак не могу. Хоть убейся лбом об эту чертову дверь.

Корф сопровождал мой уход лишь коротким, понимающим кивком. Старый кадровый офицер повел себя безукоризненно: ни единого вопроса, ни попытки увязаться следом. Селиванов, застывший тенью у противоположной стены, тоже благоразумно промолчал. Молодцы, знают, когда не надо лезть к «его сиятельству». Я сейчас сильно на взводе, мог бы послать и одного, и второго.

Толкнул створку, буквально вывалился на улицу. Хотелось втянуть носом свежего воздуха, чтобы он избавил меня от навязчивого запаха эфира и медикаментов, которые впитались в каждую пору моего тела. Ну и тупо проветрить голову. Башка стала тяжелой, мысли в ней не просто залипли, как мухи в янтаре, они буквально трепыхались на последнем издыхании. Переживания за вахмистра выпили последние силы. Если не сделаю что-то, пусть даже просто выйду на улицу, тронусь умом.

Двор лесопилки снова ожил, но один черт не выглядел таким, как раньше. Что-то изменилось. Первый шок от случившегося сошел на нет, люди больше не стояли столбами, открыв рты. Неподалеку от медчасти рабочие стучали топорами, но как-то вяленько, без обычного энтузиазма. Женщины таскали воду в кухню. Но лица у них были такие, будто они уже похоронили кого-то из близких. В общем, в воздухе отчетливо чувствовалась тревога и затянувшееся ожидание. Даже при том, что все члены общины упорно пытались заниматься делом.

Кровавый след, который мы оставили, пока перетаскивали Тимоху на импровизированные «носилки», исчез. Его присыпали свежим снегом. «Додж» тоже больше не маячил посредине двора. Так понимаю, его отогнали в дальнюю часть лесопилки. Надо завтра отправить тачку Попандопулусу. В конце концов, грек не виноват, что его забегаловка стала тем местом, где Тимохе нанесли удар.

По большому счету, вообще никто не виноват. Кроме меня. Не будь я таким самоуверенным ослom, беды можно было избежать. Тимоха прикрыл меня. Именно меня. Мне не стоило ломиться в самую гущу драки. Жаль, что сделанного не вернешь.

А вот Гастон никуда не делся. Все так же сидел на крыльце. Единственное, что изменилось – на его плечи был накинута овечья тулуп. Похоже, подсутился кто-то из моих управленцев: Шаховская или Селиванов.

Француз молча пялился в одну точку и на мое появление никак не отреагировал.

Сидел танкист, сторбившись, запахнув полы тулупа, словно пытался отгородиться от внешнего мира. В иной ситуации стоило накормить парня и отправить спать. Сейчас этот надломленный войной иностранец казался островком застывшего равновесия в окружающем хаосе.

Я сунул руку в карман брюк, вытащил серебряный портсигар. В последнее время таскал его с собой исключительно потому, что часто приходилось встречаться с всевозможными «боссами». То китайские чиновники, то мафиозные авторитеты. Не жизнь, а сплошные переговоры и разборки. В таких ситуациях крайне уместно иметь при себе папиросы. Вовремя предложенный перекур не раз в моей прошлой жизни спасал самые сложные ситуации.

Сел рядом с Гастоном на порожки, выудил одну папиросу и протянул ее французам.

Танкист покосился в мою сторону, молча взял предложенное курево. Пальцы у него еле заметно дрожали. Не от страха, пережитой драки или волнения. Хрен там. Это была характер-

ная дрожь, которую я видел у парней, вернувшихся с Чеченской. То самое пресловутое ПТСР. Гастон воевал, такое в два щелчка из памяти не сотрешь. Остались неизбежные последствия.

Чиркнул спичкой. Дал ему прикурить.

Со стороны ворот послышался скрип открываемых створок, на территорию лесопилки влетел наш экипаж. Колеса с лязгом подскочили на намерзшей колее, пролетка накренилась, чудом не опрокинувшись на ходу.

Маруся громко хрипела. Бока загнанной кобылы ходили ходуном, напоминая кузнечные меха, с удил срывалась мыльная пена. От животного валил густой пар. Еремей выжал из скотины весь доступный ресурс. Извозчик гнал по обледелым улицам Харбина на пределе возможностей, отчаянно пытаясь не отстать от автомобиля. Гиблое дело. Соперничать с двигателем внутреннего сгорания, имея в запасе лишь одну живую лошадиную силу – затея изначально провальная. Они безнадежно отстали еще на первых кварталах.

Михаил, замёрзший до синевы, первым сполз с облучка. Спрыгнуть на землю у переводчика не вышло. Окоченевшие, непослушные ноги подогнулись, едва коснувшись снега. Манджгаладзе удержал равновесие, вцепившись побелевшими пальцами в борт. С сиплым свистом втянул ледяной воздух, пытаясь унять колотящую тело дрожь.

Следом за грузинским аристократом спустился и Ерема, занялся Марусей. Возничий распряг лошадь и повел ее к коновязи, что-то приговаривая на ходу. То ли успокаивал, то ли отчитывал. Закоченевшими руками набросил на Марусин круп спасительную попону. Схватил пучок соломы, принялся яростно растирать взмокшую кобылу.

Манджгаладзе огляделся, заметил меня и Гастона, сидящих на крыльце лазарета, сразу двинул к нам. Подошёл, остановился, не зная, как начать. Его взгляд скользнул по моим перепачканным чужой кровью рукам, перескочил к закрытой двери лазарета.

Грузинский аристократ порывисто вскинул руку, словно хотел схватить меня за плечо, но вовремя сдержался. Пальцы сжались в кулак. В глазах Михаила отчетливо читался самый настоящий страх. Он до одури боялся задать вопрос про Тимоху.

– Павел Александрович...

– Все хорошо, – оборвал я Михаила. – Ступай к Арине в кухню, пусть напоит тебя горячим чаем. Тимофей в операционной, ждем.

Грузин молча кивнул, развернулся и пошел к столовой. Было видно, что он сильно переживает за Тимоху, но, как и я, понимает, что от нас сейчас ничего не зависит, а потому страдает еще больше.

Гастон сделал длинную затяжку. Выдохнул дым в морозный воздух. Его появление Манджгаладзе, как и душевные терзания оно, вообще не волновало.

– Как твой друг, князь? – спросил он по-русски. Голос ровный, только в конце фразы немного дрогнул.

Забавно, танкист упорно продолжал мне «тыкать», хотя в его родном языке точно есть уважительное обращение «вы». Он понимает разницу между этими двумя местоимениями. Возможно, дело было в обстоятельствах, которые стали причиной нашего знакомства. Сложно соблюдать условности в общении с человеком, который рядом с тобой всего лишь час назад бил морды всякой швали.

– Шьют, – коротко ответил я.

– Шьют – это *bon*. – уверенно заявил француз.

– Хорошо? – переспросил на автомате, – Да, наверное действительно хорошо.

Помолчали еще пару секунд. Причем молчание было настолько естественным, что не напрягало ни меня, ни Гастона. Будто мы с ним старые друзья, которые вышли покурить на порожки.

Я повернул голову, наблюдая за этим странным человеком. Хотелось рассмотреть его повнимательнее. В кабаке нам было явно не до подробного изучения друг друга.

Выглядел Гастон лет на тридцать, может, чуть больше. Война людей старит. Светлые волосы налипли на лоб. Скулы острые. Правая щека рассечена – тонкий, ровный шрам, явно от полевого хирурга. Под распахнутым воротом – белый рубец на ключице, шире пальца. Знатно французу досталось в свое время.

– Почему ты вмешался, князь? – спросил он внезапно.

Я удивленно поднял брови. Не совсем понял контекст вопроса. Вмешался конкретно куда? В ситуацию, когда танкиста могли отправить к праотцам? Или вообще в драку?

– Ты хотел вытащить меня, – уточнил Гастон. – Я это сразу почувствовал. Мне оставалась *peut-être* минута. Может, две. И ты не дал им нанести удар. Зачем?

– Ты мне нужен, – ответил коротко, будто речь шла о чем-то обыденном, вполне ожидаемом.

– Я? – Гастон криво усмехнулся. Затянулся, выдохнул в сторону. – Ты уверен, князь? Пьяница из «Убежища»? *Ridicule*.

– Совсем ничего смешного, – прокомментировал я последнюю фразу лягушатника, сказанную на французском, – Ты же танкист, верно?

Гастон замер. Не вздрогнул – именно замер. Папирosa остановилась на полпути к губам. Дым потёк между пальцев. Мой новый знакомец явно не ожидал именно такого вопроса. Более того, данная тема его почему-то сильно поддержнула.

Француз медленно повернул голову ко мне. Впервые за весь разговор посмотрел прямо в мое лицо. Глаза у него оказались серо-голубые, очень светлые. На фоне красных из-за полупавшихся сосудов белков это особенно выделялось.

– Кто тебе сказал? – мрачно поинтересовался Гастон.

– Михаил, – кивнул я в сторону, куда удалился Манджгаладзе.

– И что, *mon prince*, тебе нужен танкист? В Харбине?

– У меня есть танк. Логично, что для танка необходим человек, который умеет с ним управляться.

Честно говоря, не хотелось пускаться в долгие витиеватые объяснения, где надо издалека подходить к основному вопросу. Не было сил на все эти пляски с бубнами. Поэтому и рубанул как есть.

Француз смотрел на меня, не моргая, несколько секунд, а потом начал смеяться. Тихо, без звука. Только плечи затряслись, и из груди пошёл сиплый сдавленный звук, который постепенно перешел в громкий хохот. Пришлось ждать, пока этот белобрысый кретин наржется.

– *Le tank*, – выдавил Гастон наконец. – В Харбине. У русского князя. Бордель, тиф, опиум – у всех есть. А у этого – *tank. Quelle merveille*.

– «Рено». ФТ-семнадцать, – сказал я ровно. – Башня крутится. Пушка тридцать семь миллиметров, короткоствольная. На ходу. Под брезентом стоит в товарном вагоне. Могу показать.

Гастон резко, в одно мгновение, стал серьезным.

Смешок оборвался, словно лопнула перетянутая струна. Взгляд моментально приобрел свинцовую твердость, выдавая человека, привыкшего смотреть смерти в лицо через узкую смотровую щель бронелиста. Профессионал проснулся, задвинув забулдыгу далеко на задний план.

Гастон смотрел на меня и вообще не замечал, как тлеет папирosa. Жар уже подобрался к пальцам, но лягушатник этого не чувствовал.

Я наклонился к нему, аккуратно вытащил окурок, бросил в снег. Француз даже не моргнул.

– ФТ-семнадцать, – повторил он медленно. Тихо, для себя. – *Char Renault. Le char de la victoire*.

– Колесница победы? – я небрежно пожал плечами. – Возможно. Не знаю. Если вы считаете его таковым, на здоровье. Знаю одно: у меня есть тяжелая боевая машина, и мне нужен человек, который расскажет, что с ней делать. Как заводить, заправлять, чинить, стрелять. Я не прошу воевать за князя Арсеньева. Было бы неплохо, если бы ты научил моих людей. Тебе будут платить, кормить, одевать. Хорошая сделка, не находишь?

Гастон прищурился, будто пытался просканировать мое нутро.

– Сколько ты в Харбине, князь?

– Чуть больше месяца.

– А я – год и три, – француз покачал головой. – Видел слишком многое в этом городе. И мне не верится, что у тебя есть танк.

– Хорошо, покажу тебе. Как только дождемся конца операции и будет понятно, что с Тимохой.

– Я был под Суассоном, – сказал вдруг Гастон, не глядя на меня. – Двадцать второе июля восемнадцатого года. В колонне сорок одна машина. *Quarante et une*. Из моего взвода вернулись всего лишь две. Моя и Жоржа. Жорж умер через неделю в госпитале. От ожогов. Я – *vivant*. Жив.

Он поднял руку, провёл пальцами по белому рубцу на ключице. Раз, второй. Будто проверял, на месте ли шрам.

– Потом пил. Хорошо пил. Потом сюда уехал. Здесь тоже пил. Сегодня в кабаке думал – *ça suffit*. Кончусь. И ладно.

Повернул голову, посмотрел мне в глаза.

– А потом пришёл ты. И сказал – *Renault*. Посмотрю. Если правда – посмотрю. И ещё, князь. Твой казак... – он кивнул в сторону лазарета. – Если выживет – это будет правильно. Я тебе должен. Я плохо умею быть должен.

Он поднялся, собираясь что-то сказать еще, но не успел.

Дверь лазарета открылась. В проёме показался Лебедев. Лицо доктора было серого цвета. Не бледное, а именно серое, землистое. Так выглядят люди, которые только что отработали на пределе. Фартук в чёрно-бурых разводах, на лбу – мокрая, прилипшая прядь. От Сергея Петровича остро несло спиртом, кровью и едкими травами Шэня.

Он посмотрел на меня. Открыл рот. Закрыл. Сглотнул. Я за эти секунды чуть не тронулся умом, честное слово.

– Жив, – наконец произнес Лебедев, потёр переносицу. – Вытащили. Тесак встал удачно, прошёл между десятым и одиннадцатым рёбрами. Лёгкое не пробил, что само по себе чудо. Но ушёл вниз, задел печень. Не насквозь – по краю, рваная рана. Кровотечение остановили. Пришлось повозиться, ваше сиятельство. Если бы не снадобья Шэня – не остановили бы вовсе. Я ушивал печень кетгутотом, как мог. Это не операционная Склифосовского, князь. У меня было два зажима, одни щипцы, тампоны и пальцы Манью.

Сухие медицинские термины падали в тишину двора увесистыми камнями. Лебедев едва стоял на ногах, цепляясь непослушными, сведенными судорогой пальцами за дверной косяк. Врач совершил невозможное – удержал жизнь пластуна в истерзанном теле на чистом упорстве и китайской фармакологии.

Сергей Петрович перевёл дух, затем продолжил.

– Зашили. Селезёнка целая. Кишечник целый. По меркам того, с какой раной его привезли, это даже не чудо. Это просто никак не должно было сложиться. А сложилось.

Корф, который возник за спиной доктора, едва тот вышел на крыльцо, тихо выдохнул.

– Но, – сказал Лебедев.

Вот оно. Как обычно в подобных ситуациях всегда бывает то самое долбаное «но».

– Крови потерял очень много. Шок. С печенью так не шутят, ваше сиятельство. Это не порез на руке. Заживает медленно, и если разойдётся шов или начнётся внутреннее воспаление

– мы об этом узнаем уже поздно. Самые тяжёлые – следующие трое суток. Переживёт их без жара выше тридцати девяти, без новой крови во рту – будет жить. Постепенно встанет на ноги. Если нет – сделать в таком случае мы уже ничего не сможем. Никто в Харбине не сможет. Тут не вопрос инструментов, тут вопрос организма. Сепсис, кровотечение из печени. Эти вещи никто не лечит.

– Понял, – кивнул я после короткой паузы, – Что с сознанием?

– В себя пока не приходил и придет не скоро. Эфир, плюс Шэнь добавил своих составов. Тимофею нельзя сейчас вообще двигаться, даже моргать лишний раз нежелательно. Поэтому проспите сутки. Может, больше. Это даже хорошо.

Лебедев помолчал. Добавил тише:

– Манью с ним останется. Шэнь тоже. Они меня выгнали – честно говорю, выгнали. Сказали – теперь не доктор нужен, теперь травы и руки нужны. Я не спорил. Они в этом сильнее меня.

Лебедев ссутулился, провел рукой по мокрому лбу. Затем развернулся и исчез в лазарете.

Напряжение, сковывающее меня последние пару часов, резко схлынуло. Тимоха жив. Это сейчас самое главное. Битва за жизнь пластуна перешла в изматывающую фазу ожидания. Ну вот что-то. Надеюсь, вахмистр не подведет, выкарабкается.

Следовало идти в контору, глотнуть горячего чая. А еще лучше, сначала посетить баню. Извадюкался я в этом чертовом кабаке, как прости господи. В любом случае, расслаживаться некогда. Повернулся к Гастону, хотел предложить ему попробовать русскую парную, но так и не смог озвучить свои мысли.

Снаружи, прямо за воротами лесопилки, раздалось звонкое лошадиное ржание. Следом послышался натужный скрип санных полозьев по намерзшей колее и бряцание сбруи. К нам явно кто-то прибыл.

Свои все находятся на территории. Значит, пожаловали чужие. Причем приехали в открытую, не таясь, раз пригнали транспорт прямо к главному входу.

Глава 5

– Кто бы это мог быть, Павел Александрович? – Корф спустился по ступеням, замер рядом со мной.

– Понятия не имею, – пожал я плечами, – Но сейчас узнаем, барон. Идёмте.

Двинулся к воротам, Владимир Николаевич пошел следом. Гастон расценил, что появление гостей его не касается, и отправился в столовую в компании Селиванова. Петр, как разумный человек, решил накормить танкиста и дать ему возможность привести себя в порядок, потому как видок у француза был – закачаешься. Будто он только что грудью кидался на амбразуру. Что, в принципе, не так уж далеко от истины.

Когда мы с бароном приблизились к воротам, створки уже отъезжали в сторону, а значит, охрана узнала посетителя. Иначе не пустили бы без разрешения Корфа, Осеева или моего.

На территорию въехал наёмный экипаж. Самая обычная, потрёпанная пролетка, с поцарапанным задником и облезшей кожаной шторкой, поставленная на полозья. На облучке сидел мрачного вида китаец-извозчик в стёганом халате. Возле него – крепкий парень в коротком овчинном тулупе. Этого я уже видел. Один из людей Сяна.

Пролётка остановилась, оттуда появился сам чинуша. Это было настолько неожиданно, что я даже растерялся.

Во-первых, у Сяна есть автомобиль, и наемный экипаж ему точно ни к чему. Во-вторых, обычно передвигается мой китайский друг в сопровождении нескольких гвардейцев. Статус и положение обязывают. Сейчас же не наблюдалось ни первого, ни второго. Из охраны – только один человек.

Имелся еще третий фактор, вызвавший у меня сомнения в собственном разуме и адекватности. Сановник был одет более чем скромно. Серое потертое пальто, на голове – простая фуражка. Перчатки – обычные, из дешёвого сукна. Шарф он завязал так, чтобы тот закрывал нижнюю половину лица. Глянешь со стороны, в жизни не догадаешься, что этот человек – глава коммерческого управления КВЖД, ближайший подручный маршала Чжан Цзолия. Скорее похож на мелкого клерка, который отчего-то решил поиграть в шпионов.

– Владимир Николаевич, – тихонько позвал я Корфа, – Мы с вами видим одно и то же? Или у меня случился приступ сумасшествия?

– Похоже, ваше сиятельство, мы оба сошли с ума... – так же тихо ответил барон.

– Ну слава богу, значит, будем сидеть в дурдоме вместе...

Сян направился ко мне навстречу. Шёл ровным шагом, не торопясь, но и не вальяжно. В каждом движении китайца чувствовалось скрытое напряжение.

– Князь, – Дин Сян остановился в трёх шагах от нас с бароном. Поклонился. – Прошу прощения за неурочный визит, но наша встреча не терпела отлагательств.

– Никаких извинений, господин Сян, – я взмахнул рукой, сразу пресекая долгие объяснения, иначе до ночи будем друг другу кланяться. Знаем мы эти китайские правила вежливости. – Будьте любезны пройти в контору. Выпьем чаю.

Я повел гостя к нашему административному зданию. Корф двинулся следом, на несколько шагов сзади. На крыльце мы оба посторонились, пропуская Сяна вперед. Охранник его остался у пролётки.

Беседа, похоже, предстояла на «рабочие» темы, поэтому я не стал тащить китайца в свою комнату. Мы расположились на первом этаже, в «офисе». Дин устроился на диване, который достался нам от Хлынова, мне было удобнее сесть на стул, напротив китайца. Чтобы мы видели друг друга.

Вообще, когда первый шок от столь необычного появления сановника прошел, я начал автоматически прикидывать в голове причины, сподвигшие Сяна на встречу. Он, конечно,

понимает, что мне известно о награждении губернатора. Соответственно, о том, что бумаги, переданные Дину, никуда не ушли, тоже. Неужели сановник приехал, чтобы оправдаться за свое сомнительное поведение? Или это какой-то хитрый ход моих врагов?

Корф задержался в дверях, проходить внутрь не торопился. Поинтересовался, нужно ли позвать кого-нибудь, наверное, имел в виду Михаила или Осеева, который временно может заменить Тимоху. Получил отрицательный ответ и вышел.

Сян не стал снимать пальто. Только расстегнул верхние пуговицы и размотал шарф. Лицо у него под шарфом оказалось серым, плохо выбритым. У правой скулы виднелся островок пропущенной щетины. Сановник, который двенадцать лет находится у власти и столько же при маршале Цзолине, никогда не позволял себе подобной небрежности. А значит, дело серьезное.

– Чаю? – спросил я негромко.

Дин посмотрел мне в глаза, серьезно так, со значением, а потом вдруг выдал:

– Вы знаете, князь, с большим удовольствием выпил бы сейчас водки, но, к сожалению, еще слишком много дел, поэтому давайте обойдемся без чайных церемоний. Нам надо срочно кое-что обсудить. Я приехал, чтобы предупредить вас о крайне неприятных вещах.

То, что китаец вот так сразу перешел к делу, без обожаемых азиатами долгих предисловий, выглядело еще более пугающим, чем его плохо выбритое лицо.

– Хорошо, – согласился я. – Слушаю вас, господин Сян.

– Бао Гуйцин готовит против вас карательную операцию, – на одном выдохе выпалил сановник. – Не открыто. Через санитарную службу и пожарный надзор. План таков: подкупленный казённый лекарь выпишет акт о вспышке тифа или легочной чумы среди ваших рабочих. На лесопилку придут санитары с солдатами. Кордон. Карантин. Никто не войдёт, никто не выйдет. Производство встанет. Параллельно муниципальный инспектор найдёт у вас десяток нарушений по пожарной части. Опечатают сургучом. Проверки растянутся на месяцы.

Я еле сдержал смехок. Дин слово в слово вывалил мне ту информацию, которую утром я получил от Соломона, а тот – от Чэня. Чтобы не выдать чинуше наличие стукача в администрации губернатора, пришлось разыграть целую комедию.

Я сделал удивленное лицо, скептически приподнял бровь, чуть склонил голову набок. Постарался изобразить именно то выражение, какое полагается человеку, услышавшему дурную новость впервые.

– Господин Сян, простите, но не до конца понимаю, о чём речь. С какой стати губернатору такие хлопоты ради скромного русского князя?

Сановник посмотрел на меня внимательно. Не дольше, чем нужно. Не короче, чем следовало. Поверил. Кивнул.

– Я объясню. И, князь, прошу выслушать меня до конца. Эта история имеет прямое отношение к нашим с вами договорённостям. Той самой бумаге, которую вы передали мне на станции. Я должен был приехать к вам раньше, но опасался, что за мной следят. Выждал несколько дней и вот... посмотрите на меня... – китаец развел руками, горестно вздохнул. – Пришлось тайком сбегать из собственного дома, изображать из себя голодранца, чтобы никто не понял, куда и зачем я еду.

Сян замялся на мгновение. Выстраивал в голове последовательность будущего рассказа. Не ради лжи или уловок – просто сама тема казалась сановнику откровенно тягостной.

– Заполучив заветный документ, в тот же день намеревался отправиться к маршалу, – продолжил китаец. – Домой заскочил исключительно ради смены гардероба и проверки корреспонденции. На сборы ушло не больше часа. Посторонние физически не могли снять копию или даже мельком взглянуть на японский бланк. Настоятельно прошу зафиксировать данный нюанс.

Скупой кивок с моей стороны подтвердил абсолютную вовлеченность в беседу.

– У маршала в резиденции выяснилось, что главнокомандующий отбыл по срочным делам, передав полномочия своему специальному посланнику. Представитель Цзолиня как раз собирался провести вечер в «Модерне» вместе с дипломатическим корпусом. На приёме также ожидали губернатора Бао Гуйцина. Поразмыслив, решил не гнать экипаж обратно. Подумал, гораздо эффективнее перехватить спецпосланника прямо в гостинице. Передать депешу на нейтральной территории. Меньше шансов, что губернатор рискнет устроить скандал или перехватить бумаги силой на глазах у высшего общества.

Сановник провел ладонью по лбу, стирая выступившую испарину, хотя в помещении было прохладно.

– Роковой просчет, князь. Худшая оплошность за двенадцать лет службы. Поездка в «Модерн» все испортила. Бао Гуйцин догадывался о том, что я замышляю некие действия против него, – китаец покачал головой. – Без железных доказательств, но нутром чуял.

Мои брови удивленно поползли вверх.

– Каким образом, господин Сян? Губернатор, может, и неглупый человек, но у него точно нет дара предвидения.

– Элементарно, – ответил сановник. – Губернатор страдает тяжелой формой подозрительности и панически боится вообще всех: японцев, маршала, собственных младших офицеров. Ему мерещатся заговоры на каждом шагу. Как выяснилось, любое мое передвижение фиксируется. Утром ищейки Бао отслеживали мой выезд на товарную станцию. Затем донесли о встрече с русским князем Арсеньевым. И о передаче небольшой папки.

– Подождите, – я вскочил со стула, принялся расхаживать по комнате, так лучше думалось. – Но документы были переданы вам наедине. С нами в кабинете был только Тимофей, а ему я верю больше, чем себе.

– Извозчики тоже не слепые, – возразил Дин. – Уборщики, путейцы, случайные прохожие. Соглядатаи Гуйцина прячутся в каждой щели. Стоило мне появиться в «Модерне» с тем же самым портфелем, губернатор мгновенно сопоставил факты. Понял, что визит на банкет носит отнюдь не развлекательный характер.

Китаец осекся, нервно потирая переносицу, затем продолжил.

– Дальнейшие события развивались стремительно. Не успел разыскать посланника среди гостей, как человек губернатора велел мне пройти в отдельный кабинет. Подчеркнуто любезно, с широкой улыбкой. Отказ выглядел бы публичным оскорблением Гуйцина на глазах у дипломатического корпуса. Пришлось подчиниться.

Сановник уставился в стену поверх моего плеча. Его взгляд остекленел. Очевидно, злополучный диалог в бильярдной прокручивался в сознании сановника уже не один десяток раз.

– Никаких расшаркиваний. Губернатор сразу взял быка за рога. Сказал, что содержимое моего портфеля перестало быть тайной. Я понимаю, в большей степени он блефовал, потому как не мог знать, что именно я привез с собой... Хотя... мне в тот момент показалось, что Бао осведомлен в достаточной мере. Скажите, князь... Никто из ваших людей не мог донести?

– Исключено, – уверенно ответил я, даже на мгновение не усомнился. О том, что я повез бумагу с именами фальшивых предателей и вписанным туда губернатором, знали только Михаил и Тимоха. – Продолжайте, господин Сян. Вы поддались блефу Бао?

– Отрицать было бессмысленно. Он непременно потребовал бы досмотра бумаг при свидетелях. Пришлось пойти ва-банк. Я не сказал «да», но и «нет» тоже не прозвучало.

Сян выдержал небольшую паузу, задумчиво изучая собственные ладони.

– Дальше прозвучали весьма неприятные вещи. Бао сказал, что сейчас я вручу депешу посланнику, тот передаст её маршалу, Цзолинь ознакомится с текстом. Его, Бао Гуйцина, немедленно вызовут и заставят ползать на коленях. Допускает расстрел или арест с отправкой в Мукден. Смерть неминуема, спорить глупо. Только пусть я отвечу ему на один простой вопрос. Какова моя личная выгода?

Сян поморщился, потёр переносицу. Видно было, что воспроизводить разговор ему тяжело – каждое слово засело глубоко в памяти.

– Я начал ему говорить про спокойствие, про уверенность в завтрашнем дне, про надёжного покровителя для семьи. Гуйцин лишь ядовито рассмеялся. Сказал, что двенадцать лет я кормлюсь у маршальского котла, а привычек хозяина так и не усвоил. Цзолинь на дух не переносит внутренних дрызг. Принёс компромат – значит, целенаправленно рыл под соратника. Искал грязь – следовательно, имел личный мотив. Расследование ударит рикошетом в обе стороны. Происхождение документов, порочащих губернатора, вызовет много вопросов ко мне. Источник? Цена? Цель подобного предательства внутри одного клана? В бескорыстие главного командующий верить отучился ещё в молодости. Лишусь кабинета на следующие же сутки. Отправят гнить в захудалую почтовую контору Цицикара. Сын вместо элитного кадетского корпуса пойдёт осваивать ремесло счетовода во втором разряде, а супруге придётся собственноручно стирать грязное бельё.

Чиновник шумно втянул воздух.

– Выслушав губернатора, я взвесил все аргументы. Правота Бао сомнений не вызывала. Все было бы именно так, как он и сказал. Подобные чистки происходили на моих глазах регулярно. Голова доносчика всегда летела следом за головой предателя. Железный принцип Цзолиня: «Бросивший камень в моего подчиненного целится в меня».

Я дослушал признания Сяна до конца, сделал максимально удручённое лицо. На самом деле внутри появилось спокойствие. Я-то думал, что сановник меня тупо слил, но нет. Он сам оказался в поганой ситуации. Кроме того, примчался предупредить о готовящейся провокации со стороны губернатора. Значит, Дина можно не вписывать в число врагов.

– Господин Сян, – произнёс я медленно, тщательно подбирая слова, – благодарен вам за откровенность. Это... тяжёлая история. Скажите, если губернатор вас припугнул, зачем вы приехали сейчас? Зачем предупредили меня?

– По двум причинам, князь. Первая. Я приехал, чтобы у вас было время подготовиться. Вторая. – Сян на секунду опустил глаза, потом поднял их снова. – Хочу с вами договориться, князь.

– Слушаю.

– Бао Гуйцин держит меня в кулаке. Не вас. Он теперь понимает, что с моей стороны можно ожидать удара. Знаете, к чему это приведет? Однажды меня найдут в собственном кабинете повешенным, или с пулей в виске. Семья получит пенсию за выслугу. Сын поедет в кадетский корпус в Тяньцзинь.

Сян сделал паузу. Лицо его стало совсем мрачным.

– Поэтому, князь, я приехал к вам. Если у вас есть способ остановить Бао – не просто пережить эту его атаку, а сместить с поста или сделать что-то более решительное – готов оказать всяческую помощь. Связи в Шанхае. Печати. Бланки. Доступы к таможне. Имена людей в маршальском окружении, которые недолюбливают губернатора. Берите всё, что нужно. Только сделайте так, чтобы Бао не дожил до конца месяца. Иначе я не доживу.

Это было максимально честное признание со стороны сановника. Такую искренность надо ценить. Я откинулся на спинку стула, скрестил руки на груди. Почти минуту думал над сказанным китайцем. Особенно меня зацепило упоминание Шанхая. У чиновника там есть связи, это очень, очень полезно для реализации моих будущих планов.

– Господин Сян, – произнёс наконец, – то, о чём вы просите, не делается за один разговор. И не делается на эмоциях. Дайте мне время подумать.

– Сколько?

– Сутки. Завтра вечером пришлите вашего человека – того, что сегодня сидит рядом с возникшим. С ним передам ответ.

Сян кивнул. Поднялся.

– Хорошо. И ещё одно, князь. Бао торопится. Очень торопится. Я знаю эту его манеру. За двенадцать лет насмотрелся. Если он гонит сроки – значит, у него есть собственная дата, к которой он должен показать результат. Кто-то его подгоняет. Не маршал.

– Кто же?

– Не знаю. – Сановник пожал плечами. – Стоит поинтересоваться у японцев. Не у тех, с которыми вы уже... знакомы.

Я приподнял бровь.

– То есть? В Харбине, конечно, много всевозможных японцев, но мне казалось, все они связаны между собой нежной и трепетной любовью к императору.

– Ошибаетесь, князь. Майор Хондзё – это Токуму Кикан. Но Токуму Кикан – далеко не единственные японцы в Харбине. Есть и другие. Те, которым сильно мешает господин Хондзё.

Сян поднялся на ноги, застегнул пальто. Намотал шарф. Надел фуражку.

– Спасибо, что выслушали, князь. Поеду, пожалуй, пока меня не хватились. Пришлось буквально сбегать с рабочего места ради этой встречи.

Сановник поклонился, развернулся и вышел из комнаты. Я остался сидеть за столом.

Минут пять не двигался. Слушал, как за окном фыркает лошадь, как извозчик прицокивает, как пролётка трогается с места и выезжает с территории лесопилки.

Потом поднялся, подошёл к окну. Замер, глядя во двор.

Разговор с Дин Сяном на самом деле дал мне гораздо больше, чем предупреждение о готовящейся «атаке» со стороны губернатора Бао. Это мне и так было известно. Сановник указал мне на те места, которые требуют детального изучения. Во-первых, его связи в Шанхае. Надо узнать, с кем у Дина налажен контакт. Чем круче знакомства, тем лучше для меня. Во-вторых, китаец упомянул некую силу, которая способна противостоять майору Хондзё и Токуму Кикан, но называть ее конкретно не стал. Это говорит лишь о том, что противник у майора и правда серьезный. А все, кто воюют с этим чертовым самураем, априори являются моими друзьями. Осталось только выяснить, что это за люди или человек.

Глава 6

Постоял ещё пару минут у окна, глядя во двор. Пролётка с Сяном уже скрылась за воротами, только следы полозьев тянулись через двор к створкам, постепенно затягиваясь свежей позёмкой, а в моей голове все еще крутились его слова.

«Другие японцы». Те, кому мешает Токуму Кикан.

Отошёл от окна, плюхнулся обратно на стул. Вытянул гудящие ноги. Очередной насыщенный день выпил почти все соки. Вернее, он-то выпил вообще все, особенно переживания за Тимоху, но расслабляться сейчас никак нельзя. Передохну немного и снова вернусь к делам. Заодно как раз проанализирую сказанное китайским сановником.

В прошлой жизни, когда приходилось отжимать заводы или делить рынки, я всегда чётко знал одно: монолитов не бывает. Любая крупная структура только снаружи кажется бетонной стеной. Внутри всегда одно и то же – крысиные бега, делёж бюджетов и подковёрная грызня. Японская империя образца 1920 года – не исключение. Скорее, идеальный пример такого терриума.

Если раскинуть мозгами, вариантов тут немного. Кто может точить зуб на отморозенного майора Хондзё и его шпионскую контору?

Во-первых, официальные дипломаты. Министерство иностранных дел, или как его называют сами самураи, Гайму-сё. Так, по-моему. Консул Очаи Кэнтаро, с которым маршал Цзолинь подписывает секретные меморандумы, наверняка спит и видит, как бы удавить армейских радикалов. Они его до одури бесят. Дипломатам нужна тихая, легальная экспансия, «мягкая сила» и поглощение китайских рынков. А Хондзё плодит хаос, устраивает кровавые бани, вооружает недобитков. Для респектабельных парней в костюмах майор – бешеная собака, портящая всю малину. А бешеных собак, как правило, рано или поздно пристреливают.

Во-вторых, корпорации. Дзайбацу. Монстры вроде «Мицуи» или руководство Южно-Маньчжурской железной дороги. Этим акулам капитализма плевать на самурайский дух, им нужна предсказуемая прибыль. Уголь, соя, металл – всё это любит тишину. Когда агенты Токуму Кикан натравливают белогвардейцев на поезда или взрывают станции, корпорации теряют миллионы. Какая уж тут к чертям собачьим тишина. Если показать ушлым коммерсантам, что Хондзё бьёт им по карману, они сами оплатят его похороны. Такой вариант устраивает меня более чем.

Ну и в-третьих, гражданское правительство в самом Токио. Тайсё-демократия, пытающаяся удержать армию на поводке. Вояки привыкли действовать по принципу «гэкокудзё» – самоуправство младших чинов. Вполне возможно, что вся агрессивная игра Хондзё – это самодеятельность радикального крыла. А кто-то в Токио об этом не догадывается. И не сильно обрадуется, если узнает. Единственный минус – Токио где-то там, а мы где-то здесь. Расстояние от Харбина до Японии немаленькое. Толку от гражданского правительства не особо много.

Есть ещё четвёртый вариант, самый грязный. Конкуренты внутри японского служивого сословия. Военная полиция, разведка флота, кто угодно из тех, кого Хондзё успел зацепить локтем по дороге вверх. Насколько я успел узнать этого самурая, он к своему положению и статусу шел не просто по головам, он по дороге пинал и топтал всех, кого можно, уверен. Проблема в том, что эти господа играют по тем же правилам, что и наш майор. Договариваться с ними – всё равно что менять одного волка на другого.

Провел ладонью по лицу, стирая усталость. Губы сами собой растянулись в усмешке. Отличный расклад. Я-то думал, передо мной глухая стена, а оказалось – штакетник, где половина досок гнилые. Если Бао Гуйцин уже нашёл выходы на этих «других японцев», или они на него нашли, не важно, значит, и я смогу. Надо только правильный рычаг подобрать.

В любом случае тыкать пальцем можно сколько угодно и ни разу не попасть в нужный вариант. Угадывать впустую – занятие для гадалок и мечтателей. У меня для этого есть Соломон. Завтра подкину старому еврею задачку. Если в Харбине существует раскол между японцами – ушлый еврей о нём знает. Если же Блаун не в курсе, что мало вероятно, придется ему напрячься и собрать информацию для своего доброго друга князя Арсеньева.

Поднялся. Страхнул с себя оцепенение. Подошел к вешалке, задумчиво посмотрел на висящий там тулуп. Шуба осталась в кабаке, надо завтра послать кого-нибудь отогнать машину и заодно вернуть дорогую моему сердцу вещь. Ну а пока что придется утепляться по-простому.

Схватил тулуп, накинул его и вышел из комнаты. Нужно проверить Тимоху.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.